

«Credula vitam spes fovet, et melius
cras fore, semper ait».

*Tibullus*¹

Глава 1

«В целом мире не найти места холоднее и безлюднее, чем бруклинская улица в субботу вечером», — подумала Марджи Шэннон и, еще плотнее закутавшись в пальтишко, повернула за угол. Ей уже исполнилось семнадцать, у нее была работа — вот почему она сейчас шагала одна по зимнему городу. Она стала независимой и могла не возвращаться домой к девяти. Тяжело завоеванной свободой надлежало воспользоваться, даже если для этого пришлось бы окоченеть. Конечно, проще было сдаться: укрыться от мороза на теплой кухне. Но Марджи решила проявить стойкость: пусть мама привыкает — для дочери мир не ограничивается неприветливыми домашними стенами. Ради этого она и бродила по улицам в одиночестве холодным январским вечером.

Учебу Марджи прекратила в шестнадцать лет, после двух классов старшей школы Восточного округа. Ей не терпелось скорее найти работу, получать собственные деньги, жить собственной жизнью. Работу она нашла, причем интересную — разбирать корреспонденцию фирмы «Томсон-Джонсон. Товары почтой», чьи конторы и склады находились возле бруклинских доков, в часе езды от дома на трамвае.

¹ Доверчивая надежда поддерживает жизнь и всегда твердит, что завтра будет лучше. Тибулл (*лат.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

Однако эта перемена не принесла Марджи ожидаемой независимости. Собственнические чувства матери не позволили пуповине порваться, а лишь заставили ее дрожать от натяжения. Как и многие другие девушки из бедных бруклинских семей, Марджи должна была приносить все жалование домой.

Ей платили двенадцать долларов в неделю, и каждый субботний вечер она, по примеру отца, передавала заклеенный конверт в протянутую материнскую руку. Такова была традиция: приличный муж или хороший ребенок приносит домой получку нераспечатанной.

Из конверта Фло выдавала дочери два доллара, большей частью ушедшие на проезд и ланч — кофе и сэндвич с колбасой (почти все у нее на работе изо дня в день перекусывали именно так). Оставшиеся пятьдесят центов в неделю приходилось растягивать на остальное: и на хот-дог, который Марджи съедала пополам с подружкой, если летом они отправлялись на трамвае в Канарси, и на чашку горячего шоколада с шапкой из суррогатных взбитых сливок и двумя крекерами на блюдечке (в Бруклине это лакомство традиционно завершало воскресную прогулку), и на помаду из магазинчика «Любой товар по десять центов».

У Марджи никогда не хватало денег на все то, что так отчаянно хочется иметь молоденькой девушке. К примеру, она бы с радостью сделала себе современную стрижку — такую, чтобы казалось, будто волосы растрепал ветер. Как у Рини, ее подружки из конторы. Но модная прическа требовала частых походов в парикмахерскую, а там полагалось оставлять сверх положенной платы еще и центов пять на чай. Поскольку Марджи не могла себе этого позволить, приходилось довольствоваться обычной стрижкой «под фокстрот», и ее лицо с обеих сторон облепляли жиденькие кудряшки.

Иногда Марджи мечтала, что ей вдруг прибавили жалование. Обязательно ли говорить об этом маме? Или можно незаметно вытаскивать лишний доллар-другой, а потом

снова заклеивать конверт? Чего только не купишь на эти деньги!.. И все-таки это был бы обман. Марджи помнила, что сказала ей учительница, когда на контрольной она краем глаза заглянула в соседскую тетрадку:

— Так начинают все преступники. Сначала человек списывает в школе, и это сходит ему с рук, потом совершает все более и более серьезные проступки. Пока не попадает в тюрьму Синг-Синг.

Становиться преступницей Марджи, конечно, не хотела. С другой стороны... никто ведь не узнает! Перед нею возникала старая детская дилемма: нажать или не нажать на кнопку, если от этого в Китае умрет китаец, а ты получишь миллион долларов. Иногда Марджи казалось, что она нажала бы на кнопку без колебаний, а иногда — что миллион долларов не стоит жизни человека, даже если он китаец и живет на краю земли. Как бы то ни было, нажать на такую кнопку Марджи никто не предлагал, и на прибавку в ближайшее время тоже рассчитывать не приходилось. Это избавляло ее от сомнений.

Перед тем как вернуться, Марджи решила еще раз пройти мимо дома Фрэнки. Она в него не влюбилась, просто это был один из немногих парней, которых она знала. Впервые она обратила на него внимание два года назад, когда они оба выпускались из средней школы № 18. До церемонии выдачи аттестатов он был для нее просто Фрэнки — малознакомый темноволосый мальчишка-ирландец. Но когда директор произнес его полное имя: «Фрэнсис Зейвир Мэлоун», оно показалось ей значительным, как раскрытая тайна. И сам Фрэнки с тех пор тоже стал значить для нее больше, чем раньше.

Во время прогулок по кварталу она дважды проходила мимо его дома. На третий раз ей повезло: Фрэнки как раз спускался, громко стуча подошвами, на улицу. Марджи чуть вздрогнула, сделав вид, будто вышла из глубокой задумчивости, когда он вдруг обратился к ней:

— Что скажешь, Мардж?

— Ужасно холодно, правда? — произнесла она, поставившись придать своему голосу дразнящую певучесть.

— И не говори!

Он зашагал в противоположную сторону — в магазинчик на углу за пачкой сигарет или проверить, продается ли уже утренняя газета. Как жаль, что Марджи сегодня гуляла по часовой стрелке! А то бы ей было с Фрэнки по пути, и они дошли бы вместе аж до ближайшего поворота. Она понимала, что парень ничего особенного собой не представляет. И все же сойдет, пока не подвернется кто-нибудь посерьезнее.

Домой она вернулась чуть позже девяти, тем не менее Фло принялась с подозрением ее расспрашивать:

— Где была?

— Нигде.

— Зимой по ночам люди «нигде» не ходят.

— Я просто гуляла.

— В такой холод никто «просто» не гуляет. Тебя где-то носило, и ты боишься сказать об этом родной матери.

— Ох, мама! — вырвалось у Марджи.

— Ради твоего же блага тебе говорю: доиграешься, доведет тебя какой-нибудь мужчина до беды, тогда не приходи ко мне плакаться!

— У меня нет знакомых мужчин, а если бы и были, мне негде доходить с ними до беды.

— Было бы желание, а и место, и способ найдутся, — изрекла Фло угрюмо. — Так где тебя носило?

— Я просто гуляла. Честное слово. Оставь меня в покое, мама. Пожалуйста!

— Вы с отцом — два сапога пара! Только задашь вам вопрос — вы сразу давай петушиться.

— А где, кстати, папа? — спросила Марджи, радуясь возможности сменить тему.

— Бог его знает! Небось только под утро явится. Что ни вечер, бросает меня дома одну и... — Фло понеслась, попав в наезженную колею.

В постели Марджи долго не могла согреться. Пришлось укрыться с головой и дышать под одеялом. Наконец она расслабилась, задремав под завывание ветра за окном. «Как мне повезло, — подумалось ей, — что у меня есть дом! Это, наверное, ужасно — не иметь своего угла и бродить ночью по холодным улицам до тех пор, пока не замерзнешь насмерть. Если мне прибавят жалованье, я все отдам маме. Чудесно иметь дом и семью!»

Прежде чем Марджи успела крепко уснуть, к ней пришел тот сон, который она уже видела много раз: о том, как однажды в детстве она потерялась на улице. Зная, что будет страшно, Марджи подумала, не разогнать ли дремоту, пока не поздно, но все-таки не захотела бороться с приятной слабостью во всем теле и позволила себе провалиться в забытьё.

Дело было летом. Жарким летним утром. Сновидение начиналось с того, что Марджи чувствовала теплый ветер, обдувающий ноги. Вот она опустила глаза: да, на ней носочки и новенькие коричневые босоножки, которые мама приобрела для нее в магазине Бэттермена за сорок девять центов. Гордость по случаю их покупки — одно из ее первых воспоминаний. И вот во сне она снова радовалась этим сандаликам.

Марджи — пятилетняя девочка, мама — женщина двадцати пяти лет, очень красивая (так, по крайней мере, кажется маленькой дочке). Каким-то необъяснимым образом мать исчезает, и ребенок остается один. Поддаваясь нарастающей панике, Марджи бродит по Бруклину. Наконец поворачивает за угол и радостно понимает, что оказалась на знакомой улице. Дом совсем рядом, нужно только пройти

в огромные железные ворота. Марджи бежит к ним и видит за ними Фрэнки — но не мальчика из школы, а юношу. Она с облегчением выдыхает: сейчас он ее выпустит. Однако, приблизившись к решетке, она видит на его лице ухмылку и слышит щелчок. Фрэнки запер ворота, дальше не пройти. Марджи рыдает.

Ее будит какой-то шум. Сев на кровати и прислушавшись, она понимает, что издавала этот звук сама: плакала в голос во сне. «Вот дуреха!» — ругает себя Марджи. И что в ее кошмаре делал Фрэнки?.. Протянув руку, она шупает стену. Потом заглядывает через открытую дверь своей комнаты в гостиную. Видит узкие окна, наполненные светом фонарей. «Я дома, — успокаивает она себя. — Лежу в собственной постели, и мне нечего бояться. Только если я опять усну, кошмар продолжится. Надо медленно досчитать до ста».

Не успев досчитать и до шестидесяти, она все-таки заснула. Но на этот раз глубоким сном без сновидений — таким, на какой молодые люди имеют полное право.

Глава 2

По бедным улочкам Уильямсберга¹ торопливо шагала женщина. За ней старательно семенил маленький ребенок. То и дело девочка останавливалась, чтобы отдышаться, а потом трусила еще быстрее, чтобы наверстать упущенное время.

— Последний раз я взяла тебя с собой, — проворчала женщина рассеянно. — Будешь сидеть дома одна.

Эта угроза не произвела на девочку особого впечатления. Монотонный голос матери, всегда повышенный от недовольства, звучал для нее как сама жизнь. Если бы он вдруг стал ласковым, малышка растерялась бы. Она вне-

¹ Уильямсберг — район в Бруклине (Нью-Йорк).

запно попала бы из единственного мира, который знала, в какой-то чужой и потому пугающий.

— Каждый раз одно и то же! — раздраженно продолжала Фло. — Вечно ты ноешь и ноешь! — Она перешла на скрипучий гнусавый фальцет: — «Возьми меня с собой! Возьми меня собой! Я буду вести себя хорошо!»

Марджи подняла глаза на мать, не понимая, кого та раздражает. Она не знала людей, которые так разговаривают.

Фло прочитала мысли дочери.

— Да, да! Я тебя имею в виду! Не притворяйся, будто тебе невдомек. — Горестный тон матери внушал ребенку мучительное чувство вины. С каким-то рассеянным негодованием женщина продолжала: — Ты такая же, как твой отец. Никогда вы не знаете, чего хотите. Даете вам то, что вам, по-вашему, требовалось, а бываете ли вы довольны? Да никогда! — И далее в том же духе.

Фло не испытывала неприязни к своему ребенку. Если бы жилка ее истинных чувств высвободилась из-под затвердевших слоев тревоги, горечи и бессилия, стало бы очевидно, что она любит дочку. Просто ей больше не на кого было выплеснуть эмоции — в этом и заключалась причина ее постоянных придинок и раздражения. Марджи стала для матери символической фигурой, которой можно было адресовать свои мысли, высказываемые вслух. Никто не слушал с таким вниманием и так не силился понять. Если бы сам Господь Бог упрекнул Фло в том, что она постоянно клюет малышку, она бы сказала в свою защиту: «Да это ж ничего не значит! Ребенок не соображает, о чем я говорю». Потом, демонстрируя своеобразную женскую склонность к противоречиям, Фло прибавила бы: «К тому же чем быстрее девочка смекнет, что жизнь не сплошные цветочки да сердечки, тем легче ей будет».

Они дошли до перекрестка. Фло хотела взять дочь за руку, но та, опасаясь, как бы мама не заставила ее бежать еще быстрее, спрятала ручонку за спину и помотала головой.

— Ну ладно! Тогда не вздумай больше за меня цепляться. Можешь хоть исчезнуть — мне все равно.

Стоя с Марджи на обочине, Фло окинула взглядом не-симпатичную улицу длиной всего в один квартал. Это был тупик, упиравшийся в двенадцатифутовые¹ железные ворота мрачной серой благотворительной больницы, которые делали его похожим на большую узкую клетку. Казалось, стоит тебе свернуть на эту улицу, и пути назад уже не будет. Ты навсегда останешься здесь, перед запертыми больничными воротами.

Фло стало не по себе. В то же время в этой картине было что-то завораживающее. «Чистилище, — подумала она. — Да, чистилище и есть. Тут маются потерянные души, до которых никому нет дела. Здесь как будто совсем нету жизни: ни деревьев, ни пташек, ни фикусов, ни гераней. Интересно, правду ли болтают об этой улице? Здесь, говорят, нашли убитого мужчину: он был залит цементом в подвале. А еще тут проститутки чуть не в каждом доме. Хотела бы я знать, бывал ли *он* хоть раз...»

Фло быстро отогнала мысль о возможной неверности мужа. «Где ему взять два доллара? — урезонила она себя. — Ведь всю получку он отдает мне. Права была мама, упокой Господь ее душу. “Пускай отдает тебе конверт нераспечатанным, — говорила она. — Возьми с него такое обещание в первую брачную ночь. В первую брачную ночь мужчина на все согласится”. Хорошо, что шесть лет назад я послушала маму. А то сейчас он бы уже ничегошеньки мне не пообещал».

Не прерывая потока своих мыслей, Фло сказала ребенку:
— Помни, твоя бабушка была хорошая женщина.

Эти слова озадачили Марджи: ей было непонятно, с чего вдруг речь зашла о бабушке. Она захныкала. Фло раздраженно вздохнула:

¹ 1 фут = 30, 48 см.

— Ну чего *теперь*?

— Улица, — жалобно ответила Марджи.

— Чем она тебе не угодила?

— Мне не нравится, как она на меня глядит.

Обращаясь к безлюдному тупику, Фло произнесла:

— Улица-улица, этой девочке не нравится, как ты на нее смотришь. Так что перестань, слышишь? А то я задам тебе, улица!

Марджи принялась заинтересованно оглядывать тупик, по-видимому, ожидая чуда.

— Не перестает, — сказала она. — Продолжает глядеть.

— Эх ты! — раздосадованно воскликнула мать. — У улицы нету глаз. Она не может на тебя смотреть. А если уж смотрит, — подобные логические повороты всегда озадачивали Марджи, — то тебя никто не заставляет тут стоять и играть с ней в гляделки. Сейчас перейдем дорогу, и чтобы я больше не слышала таких глупостей!

Девочке было страшно переходить угрюмую улицу. Она потянулась к маме, но Фло не упустила случая отомстить дочке за недавний жест независимости: тоже спрятала руки за спину и покачала головой. Глаза Марджи наполнились слезами.

— Ну как? Нравится? — спросила Фло.

Ничего не ответив, девочка принялась быстро перебирать тонкими ножками, чтобы поспеть за матерью. Перейдя улицу, Фло прибавила шагу, и ребенок начал отставать. «Ничего, догонит, — подумала она. — Детей надо учить. Надо шутить над ними, когда они пугаются. Я сама вот так всему и научилась». Где-то в глубине ее сознания слабо забрезжила мысль:

— А чему, собственно, ты научилась?

— Ну как же... как же... Я научилась держаться на ногах.

— Да? — язвительно спросила мысль.

— Да, — ответила Фло, но без особой уверенности.

Марджи отстала так сильно, что уже и не пыталась догнать маму. Вместо этого она повернула обратно, решив проверить, по-прежнему ли та улица будет на нее глядеть. Вновь оказавшись перед железными воротами, Марджи стала медленно к ним приближаться. Она заглядывала в окна каждого дома в ожидании чего-то, что должно было случиться. К ее удивлению, решетка не запирала улицу наглухо, а только перекрывала узкий проход, за которым начиналась другая улица. С Марджи мигом слетела усталость. Забыв посмотреть направо и налево, как учила мама, девочка перебежала через дорогу, схватилась за железные прутья ворот, прижалась к ним всем тельцем и на секунду зажмурила глаза, чтобы сильнее удивиться тому, что должна была увидеть.

В первый момент ее разочарованный взгляд наткнулся только на мрачные серые стены мрачных серых зданий. Но вот к одному из них подъехал грузовик — тоже серый, похожий на коробку. Два человека в белых халатах вытащили оттуда кровать, у которой не было ни спинки, ни ножек — смех, да и только. Марджи вообще не поняла бы, что это кровать, если бы на ней не лежал какой-то мужчина. Он спал днем — забавно! Папа Марджи спал только ночью. И еще одна смешная штука: этот человек уснул прямо в одежде. Из-под серого одеяла выглядывали его туфли. Наверное, он собирался куда-то пойти, как только проснется, потому что шляпа уже лежала наготове у него на груди.

Открылась дверь, вышла леди, одетая во все белое. Мужчины в халатах заулыбались ей. Тот, который повыше, что-то сказал. Улыбнувшись в ответ, леди взяла шляпу спящего и надела ее себе на голову, набекрень. Высокий мужчина отнял одну руку от кровати и попытался обнять даму. Все трое засмеялись, а кровать немножко перекосилась.

В этот самый момент показалась монахиня. Она остановилась на пороге, спрятав руки в широкие рукава, как

в муфту. Трое в белом не заметили сестру. «Псст!» — прошептала Марджи, чтобы их предупредить. Каким-то образом девочка поняла, что этим троим не полагалось поселиться рядом с одетым мужчиной, который так крепко спал на своей смешной кровати.

Внезапно обернувшись и увидев монахиню, белая леда положила шляпу обратно на грудь лежащего и бегом вернулась в здание. Мужчины получше взялись за кровать и вошли туда же вместе с нею. Сестра, маршируя как солдат, замкнула шествие. Марджи подождала еще, но больше ничего не произошло. Только солнце освещало серую пустоту.

Девочка задумалась о том, почему человек спал среди дня и почти на улице. Почему мужчины в белых халатах несли его кровать так, будто не боялись, что он упадет и ушибется. Почему высокий хотел поцеловать даму, когда та надела шляпу, и почему они испугались, когда увидели сестру. Сестра не ругалась, а просто стояла. Но они переполошились, как если бы она на них накричала.

Марджи пошла по улице, пересекавшей тупик, и увидела девочек, которые играли в игру под названием «истуканы». Ведущая брала одну из подружек за руку, кружила ее, а потом отпускала, и в этот самый момент она должна была замереть как статуя. Три девочки уже застыли в разных позах, а еще две ждали своей очереди. Марджи робко приблизилась и тоже протянула руку, однако ведущая не обратила на нее никакого внимания. Тогда она покружилась сама, запнулась словно в изнеможении и принялась балансировать на одной ножке, подняв руку, как Статуя Свободы, а для большей эффектности еще и высунув язык. В этот момент другие застывшие фигуры внезапно ожили и бросились в атаку.

- Она здесь не живет! — взвизгнула одна из девочек.
- Эй ты, уходи! — закричала другая.
- Иди отсюда! — скомандовала ведущая.